

Кара Мин

СВЁКОР и его ДРУГ
Подарим спокойствие,
ПЫШКА

18+

Кара Мин

**Свёкор и его друг. Подарим
спокойствие, пышка**

«Автор»

2026

Мин К.

Свёкор и его друг. Подарим спокойствие, пышка / К. Мин —
«Автор», 2026

Она вернулась домой на день раньше и застала мужа в постели с другой. Вместо того чтобы выгнать обоих, она оцепенела, а потом вышла в сад — туда, где её уже ждали двое других мужчин. Свёкор и его лучший друг смотрят на неё так, как не смотрел никто — без брезгливости. Этим летом Анне предстоит узнать, что предательство может стать началом, а стыд — свободой.

© Мин К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Кара Мин

Свёкор и его друг. Подарим спокойствие, пышка

Глава 1

Анна вернулась на день раньше. Командировку отменили в последний момент, и она, вместо того чтобы ночевать в душном городе, поймала попутную машину до поворота, а оттуда шла пешком через поле — пыльная, уставшая, но почти счастливая. Высокая трава хлестала по голым икрам, оставляя зелёные следы. Солнце припекало плечи сквозь тонкую ткань платья. В голове крутились простые, тёплые мысли: принять холодный душ, переодеться в лёгкое, приготовить что-нибудь к ужину. Муж не ждал её до завтра — вот и выйдет сюрприз. Она даже улыбнулась про себя, представляя его удивлённое лицо.

Она вошла через боковую дверь, чтобы не греметь парадной. Сбросила босоножки в прихожей — ступни горели после долгой ходьбы по пыльной дороге. Платье прилипло к спине, влажное от пота, и она на секунду замерла, наслаждаясь прохладой каменного пола. В доме стоял запах нагретого дерева, старой мебели, книг — и ещё чего-то, сладкого, приторного, чужого. Как будто здесь разлили дешёвые духи, и они ещё не выветрились.

Чужие босоножки стояли у лестницы. Дешёвые, с облезлым золотым каблучком, стоптанные набок. Одна лежала на боку, словно её сбросили второпях. Она разулась внизу, чтобы не шуметь — это Анна поняла позже, а пока просто смотрела на стоптанные каблучки. Анна посмотрела на них — и внутри медленно, как вода в закипающем чайнике, поднялось что-то тёмное и горячее. Она ещё не понимала, что именно видит, но тело уже знало. Сердце ударило тяжело, пропуская каждый второй удар.

Лестница встретила её привычным скрипом — каждая ступенька отзывалась под босыми ногами. Она поднималась медленно, не потому что кралась, а потому что ноги вдруг стали ватными, непослушными, словно чужими. Запах усилился — теперь к нему примешивался ещё один, острый, телесный, тот самый, который ни с чем не спутаешь. Запах разгорячённых тел.

Дверь в спальню была распахнута настежь.

Анна остановилась в проёме, держась за косяк, и увидела всё сразу, целиком, словно кто-то развернул перед ней картину и сказал: смотри.

На их постели, на смятых простынях, которые она сама гладила три дня назад, сидела верхом на её муже чужая женщина. Голая, с мокрыми волосами, разбросанными по острым лопаткам, с блестящей от пота спиной. Её кожа лоснилась в солнечном свете, падавшем из незашторенного окна. Она двигалась медленно, лениво, по-хозяйски, запрокинув голову, и с приоткрытых губ срывалось тихое, довольное дыхание — почти мурлыканье. Её пальцы упирались в грудь Дмитрия, оставляя следы ногтей на коже.

Дмитрий лежал под ней, откинувшись на подушки — на их подушки, купленные вместе на какой-то ярмарке, — и его руки сжимали чужие бёдра. Пальцы вдавливались в податливую плоть, оставляя белые следы, которые медленно наливались розовым. Это движение Анна помнила. Когда-то, давно, ещё до свадьбы, он делал так с ней. Тогда ей казалось, что это — страсть, желание, что-то особенное. Теперь она видела: это просто привычный жест, рефлекс, который он повторял с любой женщиной, оказывавшейся в этой позе.

Она стояла и смотрела, и каждая деталь врезалась в память, как осколок стекла: мокрая прядь, прилипшая к щеке, ритмичное движение бёдер, от которого по простыням расходились складки, его большой палец, машинально поглаживающий чужую кожу — точно так же он когда-то гладил её.

Дмитрий открыл глаза. Не вздрогнул, не оттолкнул женщину, не попытался прикрыться. Просто повернул голову — медленно, словно ему было лень, — и встретился с ней взглядом.

Пауза длилась бесконечно долго. В ней поместилось всё: его раздражение, её оцепенение, чужая голая спина, которая всё ещё двигалась, не останавливаясь. Женщина на нём ещё не поняла, ещё не обернулась — она была слишком занята собой, своим удовольствием, своей властью над этим моментом.

Лицо Дмитрия не изменилось. Ни страха, ни вины, ни даже неловкости. Только лёгкая досада — как у человека, которого прервали за важным делом. Его глаза смотрели на Анну спокойно, почти оценивающе: ну и что ты будешь делать?

Он выдохнул — длинно, почти облегчённо. Потом произнёс ровно, негромко, буднично:

— Ну вот. Теперь ты знаешь.

И отвёл взгляд. Не к ней. К той, другой, которая наконец замерла и обернулась через плечо — припухшие губы, пустой, немного испуганный взгляд. Дмитрий сказал ей что-то тихо, успокаивающе, и она снова начала двигаться — медленнее, неувереннее, но всё же. Он позволил. Он разрешил ей продолжать.

Анна стояла в дверях собственной спальни, и мир сужался до размеров этой комнаты. Она отпустила косяк — пальцы занемели, на ладони остался красный след, который позже нальётся синевой. Отступила на шаг. Ещё один.

Развернулась и пошла по коридору. Не побежала, не зарыдала, не хлопнула дверью. Просто шла, и половицы скрипели под босыми ступнями, и этот скрип казался единственным настоящим звуком в мире, который только что рухнул.

На лестнице её повело. Схватила за перила, пережидая приступ дурноты. Желудок сжался в тугий ком. Она глубоко дышала ртом, глядя в стену — старая штукатурка, трещина, выцветшее пятно от давно снятой картины. Простые, реальные вещи, которые удерживали её здесь, не давали провалиться.

В гостиной было прохладно. Густые шторы не пропускали солнце, и после яркого света верхнего этажа помещение казалось сумеречным, почти тёмным. Анна вошла и остановилась посреди комнаты, не зная, куда идти дальше. Её тело всё ещё было здесь, в этом доме, но всё

остальное — мысли, чувства, смыслы — рассыпалось и лежало где-то там, на полу спальни, у подножия их постели.

В глубоком кресле у окна сидел Константин. Газета лежала на коленях, но он не читал — смотрел на неё поверх очков, и его взгляд мгновенно изменился, едва она вошла. Рядом, на кожаном диване, развалился Максим с чашкой остывшего кофе. Он тоже замер — не поставил чашку, не переменил позу, просто перестал дышать на секунду. Оба почуяли беду, как звери чуют грозу задолго до первого грома.

Константин снял очки. Медленно, очень осторожно положил их поверх газеты. Его пальцы чуть дрогнули — единственное, что выдало волнение.

— Анна?

Она не ответила. Просто стояла и смотрела куда-то сквозь них, и её лицо было белым — не бледным, а именно белым, как бумага, как стена, как те простыни, которые она гладила три дня назад.

Максим поставил чашку на стол. Раздался тихий стук — фарфор о дерево, — и в полной тишине он прозвучал как выстрел.

Константин поднялся. Не бросился к ней, не схватил за плечи — он вообще редко прикасался к людям. Просто встал и стоял, и желваки на его скулах заходили под кожей. Он ещё ничего не знал, но уже всё понял.

Анна перевела взгляд на него. Потом на Максима. Открыла рот — и не смогла произнести ни слова. Звук застрял в горле, твёрдый и острый, как рыба кость.

Константин подошёл. Взял её за локоть — крепко, жёстко, по-мужски. Подвёл к дивану. Усадил. Максим уже был рядом — налил воды из графина, протянул стакан. Анна взяла его обеими руками, но не выпила. Просто держала, чувствуя холод стекла, и этот холод был единственным, что возвращало её обратно в тело.

В доме стояла тишина, но теперь она была другой. Теперь она была наполнена ожиданием беды.

На лестнице раздались шаги — неспешные, тяжёлые, уверенные. Дмитрий спускался вниз.

Глава 2

Дверь за Дмитрием захлопнулась, и звук этот повис в воздухе, как приговор. Анна сидела на диване, вцепившись пальцами в обивку. Константин стоял у окна, отвернувшись, — только побелевшие костяшки рук выдавали его состояние.

Тишина тянулась невыносимо долго. Анна поднялась — ноги не слушались, тело казалось чужим. Пошла к двери, даже не заметив, что босая. Вышла в сад, в духоту, в стрекот кузнечиков.

Дошла до пруда и остановилась. Вода была неподвижной, зеленоватой от ряски. В ней отражалось небо — белое, выцветшее от зноя. Анна стянула кольцо и бросила в воду. Оно ушло на дно, даже круги не разошлись.

Максим появился из-за ивы. Встал поодаль, не приближаясь. Через минуту подошёл Константин. Остановился в нескольких шагах.

— Прости меня, — сказал он. Голос был глухим, чужим. — За сына. За всё.

Анна не обернулась. Её плечи дрогнули.

Она хотела сказать «Вы», как всегда раньше, но слова застряли в горле.

— Ты не виноват, — ответила она, и голос её был пустым. — Это я. Это со мной что-то не так.

Она не договорила. Плечи ссутулились, руками она обхватила себя — инстинктивно, защищаясь. Константин подошёл и встал перед ней. Взял за плечи — крепко, но не грубо.

— Не смей, — сказал он. — Не смей винить себя.

Она подняла глаза. В них стояли слёзы — первые за весь день. И ярость — на себя, на мужа, на своё тело.

— Тогда сделай так, чтобы я поверила, — прошептала она. — Я больше не могу.

Он колебался лишь мгновение. Потом наклонился и поцеловал её. Жёстко, почти грубо. Его ладони скользнули с плеч на спину, прижали её к себе. Анна ответила с тем же отчаянием, с той же жадностью.

Максим подошёл сзади. Его руки легли на её бёдра — мягкие, округлые. Он сжимал их, мямл, и в его прикосновениях не было нежности, только потребность. Она не отстранилась. Откинулась на него, чувствуя его возбуждение сквозь ткань брюк.

Константин сбросил пиджак на траву ещё до того, как опуститься на колени. Расстегнул её сарафан. Ткань упала. Он смотрел на её тело — пышное, с округлым животом, с тяжёлой

грудью, с бёдрами, на которых оставались следы от резинки белья. В его взгляде не было брезгливости. Было что-то другое — голод пополам с болью.

— Ты прекрасна, — сказал он хрипло. — Ты слышишь? Прекрасна.

Она не верила ему. Но хотела верить. Отчаянно.

Максим стянул с неё бельё. Анна осталась обнажённой между двумя одетыми мужчинами, и на миг ей стало страшно — не от них, а от себя. Она опустилась на колени, на жёсткую траву. Расстегнула брюки Константину, потом Максиму. Её руки тряслись.

Она взяла в ладони оба члена — горячие, твёрдые. Прижалась щекой к бедру Константина, потом повернулась к Максиму, провела губами по его стволу. Она не просто ласкала — она умоляла их принять её, доказать, что она достойна желания. Максим застонал, когда она взяла его в рот. Константин запустил пальцы в её волосы и держал так, ничего не требуя.

Потом Константин поднял её с колен. Посмотрел в глаза и спросил тихо, почти шёпотом:

— Ты уверена?

Она кивнула. Он опустился на траву сам, потянул её за собой. Уложил на спину, развёл её полные бёдра и вошёл — не резко, но глубоко. Она вскрикнула. Её тело приняло его сразу, обхватило, сжало. Он двигался медленно, давая ей привыкнуть, но каждый толчок был сильным, сбивающим воздух из лёгких. Его руки лежали на её бёдрах, он вжимался в неё, входил до конца, и его яйца ударялись о её ягодицы при каждом движении.

Максим опустился на колени у её лица. Максим оказался рядом, его член — на уровне её губ. Она повернула голову и взяла его в рот. Теперь её заполнили с обеих сторон — Константин внутри, глубоко, Максим во рту, растягивая губы.

Слёзы текли по щекам — не от боли, от облегчения. Она чувствовала себя нужной. Чувствовала, как эти двое хотят её — именно её, её тело, её мягкость, её тепло.

Константин вдруг вышел. Она застонала от пустоты, но он уже разворачивал её. Теперь Максим лёг на траву, а она опустилась на него сверху. Его член вошёл иначе — глубже, плотнее. Она начала двигаться сама, и Максим держал её за бёдра, помогал, ловил ритм.

Константин встал на колени за её спиной. Его мокрый член упёрся ей в ягодицы, прошёлся по ложбинке. Он не стал входить, но его руки легли на её плечи, прижали к себе. Он целовал её шею, загривок, плечи, пока она двигалась на члене Максима. Его губы шептали слова — она не разбирала их, только чувствовала дыхание на коже.

Она кончила с криком — громким, почти звериным. Тело содрогнулось, и Максим, не сдержавшись, излился в неё. Константин ещё несколько секунд держал её, а потом тоже кончил — на её спину, горячо и обильно.

Лежа на траве, Анна смотрела в небо сквозь ветви ивы. Слёзы высохли. Внутри было пусто и странно спокойно.

Константин поднял с травы свой пиджак и накинул на её плечи. Максим сел рядом и взял её за руку. Никто не говорил. Им было стыдно. Им было страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.